

Отечественной войны возник неожиданный интерес к его поэзии и прозе, написанной в 1914–1915 годы, например, можно привести статью Н.Я. Брюсовой, сестры поэта, опубликованную в газете «Красное знамя» (Владивосток, 1944, 8 окт.). В статье упоминаются стихотворения Брюсова, обличающие «наглых германцев», цитируются его стихи и отрывки из корреспонденций. В годы ВОВ эти произведения поэта обрели второе дыхание.

В период с 1913 по 1915 годы жизнь и творчество поэта нужно рассматривать в сети тем: «Брюсов и Польша» (частично освещено в литературоведении), «Брюсов и Бельгия», «Брюсов и малые славянские народы Европы», «Брюсов и Германия», которые еще предстоит исследовать

Литература

- Брюсов В.* Собр. соч. М., 1973. Т. II; 1974. Т. III.
Брюсов В. Несколько слов о себе // Литературная газета. 1932. № 46.
Брюсова И.М. Материалы к биографии В.Я. Брюсова // Брюсов В. Избранные стихи М., 1933. С. 138.
Маяковский В. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 349.
Молодяков В. Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. С. 456, 457.
Неведомский М. Что случилось с нашей литературой // Современник. 1915. № 5. С. 267–268

В. Брюсов – военный корреспондент ярославского «Голоса»

«Голос» – ежедневная ярославская газета, одна из самых демократичных в крае. Ее издателями были К.Ф. Некрасов¹ и Н.П. Дружинин², люди общественно активные, либералы по своим политическим взглядам. Основанная в 1909 г., к 1914-му она приобрела собственное лицо, завоевала авторитет широкого круга читателей, чему способствовало многообразие обсуждаемых на ее страницах тем, связанных с жизнью губернии и всей России, поданных в контексте мировых событий.

Еще в 1911 г. К.Ф. Некрасов открыл собственное книгоиздательство, а через два года учредил журнал литературы и искусства «София». Книги и журнал печатались в Ярославле, а редакция и контора издательства находились в Москве. Здесь издателя представляли ближайшие его сотрудники: П.П. Муратов, известный художественный критик, автор ставших чрезвычайно популярными «Образов Италии», и П.С. Сухотин, поэт, драматург, историк литературы.

Тесные деловые и личные отношения связывали К.Ф. Некрасова с В.Я. Брюсовым, который был инициатором и участником ряда издательских проектов, писал для «Софии». С 1911 г. они встречались, вели переписку, участницей которой стала также И.М. Брюсова. Совместные хлопоты касались издания биографии и литературного наследия Каролины Павловой, сборника переводов «Французские лирики XVIII века». Открывались приятные перспективы, но ждущие завершения и новые дела пришлось на время отложить: их потеснила война.

22 июля (4 августа) в «Голосе» были опубликованы Высочайший манифест, Объявление о военном положении и «Обращение к русской армии и русскому населению», подписанное Николаем II. На первой полосе этого же номера была набрана патетическая статья К.Ф. Некрасова «Единая Россия» [23, с. 1]. В патриотическом порыве он сравнивал начавшуюся войну с войной 1812 г., говорил о значении единения всех партий перед лицом угрозы государственности, о цементирующей силе любви к Родине, о могуществе народа-воина, выступившего за отечество и веру.

«Мысль народную» К.Ф. Некрасов утверждал как наиболее важную. В дальнейшем, помещая разнообразные материалы о войне и с войной связанные, «Голос» будет следовать этой мысли, надолго ставшей одной из ключевых. Тема Польши, где быстро разворачивались военные действия, займет в газете особое положение, и представлять ее будет В.Я. Брюсов.

На передовые позиции были допущены немногие из российских литераторов [1, с. 434]. Б.К. Зайцев, также связанный с Некрасовым деловыми и дружескими отношениями, писал ему в те самые дни: «...Я попробовал было в военные корреспонденты, но оказывается, никаких кор^респондентов в армию не пускают» [20, л. 29].

Брюсов оказался в числе немногих допущенных. И 24 июля (6 августа) московский Литературно-художественный кружок чествовал его по этому поводу обедом. Выступавшие, отмечая выдающееся значение Брюсова как писателя, выражали уверенность, что новые впечатления дадут «исключительно богатый результат». Поэт же, отвечая, подчеркивал, что едет на войну «простым черно-рабочим», чтобы вместе с миллионным славянством «отстаивать гуманные начала, право, судьбу народов» [1, с. 427–428].

Бурные аплодисменты выявили единодушные собравшихся, закрепленное издаваемыми кружком «Известиями». Они же утверждали, что война может лишь на время отодвинуть на второй план интересы общей культуры, литературы в том числе, ни на миг не подавив их совершенно. И хотя при известных условиях она, война, «великое дело и последний довод в мирных спорах», но все-таки это «горькое зло земли», «тяжелое бедствие народов»,

ведущее к «одичанию и огрублению нравов». Прямая задача (мы понимаем ее как культурную задачу. – Г.М.) – посылно бороться и с этой «оборотной» стороной войны [1, с. 428]. Брюсов, таким образом, отправлялся «на театр военных действий» выразителем чаяний либеральной интеллигенции, обозначившихся в написанном им тогда стихотворении «Последняя война»: «Пусть, пусть из огненной купели преобразенным выйдет мир!» [14, с. 319]

О сотрудничестве «известного писателя» с «Голосом» Некрасов объявит читателям уже 26 июля (8 августа) [28, с. 3]. 27 июля в письме к издателю из Москвы, где ожидали прибытия Генерального штаба, Брюсов, переживавший в числе «*всех*³ корреспондентов *всех* русских газет» затянувшееся отправление на восточный фронт, уточнял: «Я буду корреспондировать в три газеты: в “Русские ведомости”, в Ваш “Голос” и в “Сибирь” (Иркутск). Вам я предполагаю высылать 1–2 корреспонденции в неделю; если же Вы захотите, то и чаще» [16, л. 10].

Переговоры об условиях сотрудничества с ярославской газетой и издательские заботы Брюсов перепоручил жене, Иоанне Матвеевне. Ее августовское письмо Некрасову опередило отправленное Брюсовым из Варшавы. Среди прочего она осведомлялась, пишет ли Валерий Яковлевич в «Голос», и замечала: «...по-моему, ему нечего писать, его куда не пускают, он ничего не видит, а перед отъездом Русск. Вед. вручили ему целый лист с указаниями, о чем, по разным соображениям, нельзя писать» [18, л. 2].

В последовавшем через несколько дней письме Брюсов объяснял Некрасову существующее положение, повторяя, по сути, ее слова: «По моим письмам в “Рус. Ведом.” Вы можете судить, как у меня мало материала. Посылаю Вам сейчас небольшую заметку о “Варшаве в дни войны”. Буду рад, если пригодится. На днях еду “в сторону” и, может быть, узнаю и увижу много более» [16, л. 12].

«Небольшая заметка» Брюсова оказалась большой статьей, подписанной автором 26 августа и появившейся в газете 31 [3, с. 2]. А уже 3 сентября увидела свет написанная 27 августа статья «Рассказ беженцев» [4, с. 2].

Обе публикации и давали панорамные картины увиденного, содержали множественные свидетельства очевидцев происходя-

шего, интерпретированные пишущим в аспекте принятых установок. Массовое участие поляков в мобилизации, восторженное отношение к русским войскам, сострадание к раненым и беженцам из оккупированных районов – все должно было показать подъем братских чувств, духовное единение армии и тыла, поддержать веру в победу русских и их моральное превосходство.

Пафосу изображаемого соответствовали и предваряющие статьи стихи Н. Ашукина⁴ с эпиграфами – цитатами из Тютчева⁵, например: «В годину праведного мщенья Должна ты, Русь, собирая рать, “Славян родные поколения / Под знамя русское собрать!”» или «Мы, современники, счастливы, / “Живя в минутах роковых”, / Но страшны нам кровавой нивы, – / Решенья судеб мировых» [3, с. 2; 4, с. 2].

В то же самое время П. Муратов как артиллерийский офицер, бывший с первых дней бойни на ее переднем крае, писал Некрасову, и не было пафоса в его скупых словах: «Дорогой Константин Федорович, вот уже две недели, как мы воюем с австрийцами, были бесконечные переходы днем и ночью, был бой 26–27 авг. <...> Теперь 5-ый день стоим <...> Дождь, холодно, есть нечего. Но война с Австрией идет успешно. Всюду отбитое орудие, пленные. Впрочем, мы мало что знаем о войне. Газет я не видел 9 дней. Места здесь глухие...» [21, с. 245].

Некрасов ждал новостей, их жаждали все: газеты передавались с поездами в деревни, а Ярославль наполнялся ранеными и беженцами. Следующее письмо от Брюсова пришло 14 сентября, уже из Люблина: намерения поэта корректировались реальностью. «...Я не успел написать ничего существенного для “Голоса”, – объяснял он. – Посылаю Вам <...> обзор событий на нашем Северном фронте, составленный частью на основании *личных* наблюдений (мои поездки в Цеханов, Прасныш, Пултуск, мои беседы с “беженцами” etc). Эти личные, непосредственные наблюдения и дают мне решимость предложить Вам такой обзор. Для связности я должен был, конечно, использовать и др. известия, как официальные, так и частные (поездка А.И. Гучкова). Но, по возможности, все “чужое” изложено кратко, а “свое” более подробно». Тогда же предлагал перейти на телеграфный способ общения: «За последнее время я

весьма научился этому ремеслу и умею телеграфировать кратко, интересно и красочно» [16, л. 14].

Объемные, иногда разделенные на несколько частей корреспонденции, подписанные «Валерий Брюсов», реже предполагаемого, но регулярно печатались на второй и третьей страницах «Голоса». Вот некоторые их названия, иногда сопровождаемые словами «От нашего корреспондента»: «На границе», «На северном фронте», «На левом берегу». Указывая местонахождение фронта, статьи, подобно предыдущим, являлись результатом поездок, совершаемых писателем в прифронтовую зону и освобожденные районы Польши и Галиции. В них не было грохота пушек и свиста пуль, разве что отдаленные, а были молчащие развалины, изуродованная земля и как часть ее – убитые и орудия убийства. Возгласы ликования не заглушали стонов обездоленных [5; 6; 10].

В противовес представлениям о правовых методах ведения войны в корреспонденциях Брюсова все чаще упоминались беспринципные воздушные налеты немецких «таубе» на не занятые войсками города, изощренное насилие и откровенные зверства «культурных завоевателей» в оккупированных местностях.

Установилась определенная частота сообщений: примерно через две недели, 22 сентября, Брюсов прислал следующий материал, сопроводив личным письмом, в простом белом конверте с двумя прямоугольными печатями: «Вскрыто военной цензурой» и «Военный цензор» такой-то. Написанное выдавало высокий душевный настрой пишущего, обусловленный победой: «...Отсылаю Вам описание своей поездки в Галицию и в Ярослав. Кажется, там есть вещи любопытные. <...> Через несколько дней я уезжаю на север. Там, очевидно, мне удастся видеть много даже более интересного, чем в Галиции. Всем этим я поспешу поделиться с читателями “Голоса”. Кроме того, у меня собран богатый материал наблюдений, использовать которые *сейчас* нельзя, но которые *потом* дадут мне возможность написать ряд стоящих внимания ретроспективных статей» [16, л. 15].

Публикации «В русской Галиции» свойственны яркий репортажный стиль, элементы поэтизации происходящего, видна попытка интимизировать общение с адресатом: «Как странно,

что все это совершается не в Ярославле на Волге, а в Ярославле на Сане, еще несколько дней назад австрийском городе!» [7, с. 2]. Но именно она, чрезвычайно привлекательная, так неожиданно, так невольно сближала освободителей с завоевателями в национальных амбициях.

Было очевидно также, что война огрубляла нравы не только воюющих. Статья «Паломничество на поля битв» рассказала о пикниках относительно благополучной части населения на месте прокатившихся сражений, об экскурсиях чувствительных барышень и молодых людей на немецкие и русские позиции, о поисках боевых «реликвий» (пруссских касок с медным орлом, ранцев и биноклей, кожаных портсигаров, проч.), о беззастенчивых спекуляциях найденным [9, с. 2]. Попытка представить кошунственные, по мнению автора, факты как единичные не снижала шокирующего впечатления, а скорбная нота реквиема, прозвучавшая в конце, только усиливала его.

В том же упомянутом выше письме поэт, имевший обязательства перед издателем, предупреждал о возможном своем приезде в Москву в октябре 1914. И не только оставленные дела побуждали к этому. Еще в сентябрьском письме к жене он не мог скрыть досады: «...4 корреспондента допущены на театр. Меня в их числе нет. Это меня сильно побуждает вернуться в Москву. Но очень обидно уехать, не видав ни одного сражения!» [1, с. 432] Представления Брюсова о возможностях военного корреспондента, его значимости были подорваны⁶.

Сближение с фронтом все-таки состоялось, и результатом стала большая статья «Бои под Ловичем» [11, с. 2]. Здесь особенно чувствуется литературная обработка исходного материала: статья построена на сопоставлении наблюдаемого боя с пушкинской Полтавской битвой (описанию предшествуют известные всем строки), оживляется метафора «театра войны»; несмотря на тяжесть переживаемого момента, звучат героические аккорды. Но более трогают безыскусные солдатские диалоги.

Постепенно Брюсов начал испытывать отвращение к войне, которую сначала воспевал и называл «великой», не отказывая в отваге и врагу. Перемене способствовало познание не лица – личины

войны, душевная усталость от виденных страданий. «Нет у нас, нет сил всматриваться в это зрелище!» – восклицает он в той из московских публикаций, где речь идет как раз о «поездке в Лович» [1, с. 441].

Ярославские корреспонденции еще не дают увидеть разочарования Брюсова «в правительстве, в командовании, в союзниках, в самой войне» [22, с. 84]. Но среди близких Некрасову людей были и такие, кто, коря его за исторические реминисценции, с самого начала не видел в военной неурядице ничего идейного, высокодуховного. П. Сухотин из Москвы отвечал издателю на его размышления о войне и просьбу писать для ярославцев: «...Газет читать не могу, ибо все в них отвратительно. Дружба союзных народов не что иное, как “обман тщеславия” иль “покровительства позор”, патриотизм же, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться <...> Жалостью ко всем жертвам войны я не могу проникнуться, но ежели я потеряю хоть одного из близких мне (и вам) людей⁷, я стану считать, что был в своей жизни свидетелем гнусного насилия. Этим, конечно, я никого не испугаю, но пусть будет такова моя слабость. <...> Николаю поклон. Пусть бросит писать патриотические стихи [19, л. 14–14об.]. «Николай» – это уже упоминавшийся Н.С. Ашукин, а «слабость» – противовес силе господствующего общественного мнения, выразителем которого долго оставался Брюсов.

Поэт был не слишком доволен собой, скромно оценивал собственные корреспондентские заслуги; отвечая на похвалы коллег во время громкого чествования его по возвращении в Москву в январе 1915 г., называл себя новичком и учеником в этой области литературного труда и говорил о желании вернуться к привычной для него «мирной» работе.

Письма Брюсова к Некрасову позволяют сделать вывод, что в Москве состоялась их встреча: обсуждались текущие дела и новые проекты, им сопутствовали заверения в дружбе и взаимные претензии, одинаково явленные в письмах, возобновившихся после отъезда поэта на фронт в конце января.

Он возвратился в Варшаву, успев к началу наступления немцев в районе Мазурских озер. Сильнейшие бои разгорелись в рай-

оне Прасныша. Права оказаться в расположении войск приходилось долго добиваться (есть предположение, что повредило ему и данное московской газете откровенное интервью [14, с. 150–151]). В февральском письме жене Брюсов вновь сетует: «...Последние дни крайне хлопоту. Дело в том, что по некоторым причинам официального характера корреспонденты с недавнего времени поставлены в положение вдесятеро более тяжелое, нежели раньше <...>. Доходило до того, что я не видел никакой возможности продолжить свою работу <...>. Но тут вмешался Н.А. Морозов (бывший шлиссельбуржец) и попытался дело уладить. Для этого, однако, мне приходится посещать множество лиц <...>, ждать в приемных, писать заявления и etc...» [1, с. 439].

Позже «Голос» опубликует беседу с Н.А. Морозовым, который, по возвращении из почти двухмесячной поездки на передовые позиции в качестве делегата Всероссийского земского союза, жил в имении Борок, Мологского уезда, Ярославской губернии. «Я был в Прасныше во время бомбардировки, – скажет он. – Бомбардировка продолжалась день и ночь, непрерывно. <...> Со всех сторон слышался гул и треск» [2, с. 3].

Тем временем корреспонденций от Брюсова не приходило. Раньше дважды Некрасов, ссылаясь на источник, делал извлечения из опубликованного Брюсовым в «Русских ведомостях» [24; 26], сейчас он к этому не прибегнул.

Весной 1915 г. началось наступление в Галиции. Прифронтовая жизнь поэта была напряженной: «Шесть дней мы почти не выходим из автомобиля. Последний день ехали непрерывно 23 часа, от 5 утра до 4 ночи»; «Впечатления лишь от поездок. Потом я целые дни пишу. (Ведь за 59 дней я написал 29 статей в “Рус. Вед.” и две статьи в “Голос”, т. е. по статье менее чем в 2 дня). <...> Свободных часов не остается. А если бывают свободные минуты, пишу стихи и перевожу...» – сообщал он Иоанне Матвеевне [1, с. 439].

И Некрасову Брюсов прислал в марте письмо из Варшавы, прося извинить за «большое промедление»: «...то надо ехать набирать впечатления, то – эти впечатления пересказывать, то – опять ехать. И так день за днем, неделя за неделей <...>. Что касается

дальнейшего моего сотрудничества в “Голосе”, то я не знаю, нужно ли оно, и это лишает меня энергии писать для Вашей газеты. Из разговора с Вами я вынес впечатление, что для “Голоса” мои корреспонденции – излишняя роскошь (по словам самого поэта, Некрасов хорошо, даже щедро для провинциальной газеты, платил ему за публикации. – Г.М.)... Впрочем, на днях я доставлю Вам небольшую статейку о погибшем Гурдове, в которой будут данные, еще не появлявшиеся ни в одной ни столичной, ни провинциальной газете (и не включенные в мою вторую статью о Гурдове, недавно посланную мною в “Р. Вед.” <...> Сердечно преданный Вам Валерий Брюсов» [17, л. 1,4].

Две статьи в «Голос» – это, во-первых, обещанная «статейка» о Гурдове (на самом деле – большой портретный очерк, единственный такой среди ярославских корреспонденций, создававший «образ русского офицера», по сути же ставший памятником ему, героически погибшему) [12, с. 2]; а во-вторых, развернутый репортаж «На улицах Перемышля» [13, с. 2], намеренно возвращавший читателей мыслью к прогулке по «завоеванному» русскими Ярославу галицийскому и отраженному в городских сценках стремлению воюющих к мирной жизни. Гибель одного известного героя и множества неизвестных, завоевывающих и сдающих города, воспринималась как насилие, «грех» настоящего перед будущим. Брюсов, таким образом, позволял понять то, о чем говорил в личном письме Некрасову Сухотин.

Мартовская и апрельская публикации «с театра войны» в ярославской газете стали последними, не было больше и «военных писем» – поэт вернулся в Москву. В августе 1915 началось наступление на севере Восточного фронта. Русская армия несла катастрофические потери. Были оставлены Галиция, а также Польша и Литва. Но русские продолжали воевать. Усугублялась и без того тяжелая жизнь в прифронтовой полосе, так ярко описанная Брюсовым: обстрелы, реквизиции, контрибуции, жесткость германского оккупационного режима, наглость сепаратистов, проблемы беженцев, нехватка продовольствия... Война безвозвратно утратила романтический облик. В одной из последних публикаций в «Русских ведомостях» Брюсов, со слов участника боев, писал: «Жаловались

и раньше, что нынешняя война ведется ожесточенно <...>, но то, что происходило до сих пор, *теперь* кажется детской добродушной игрой...» [1, с. 442].

«Великий раздор в среде европейских народов и страшный лик, обнаруженный Германией, в самом основании потрясли все несколько идиллическое мировоззрение поэта», – скажет Брюсов в опубликованной «Русскими ведомостями» статье-рецензии на книгу Эмиля Верхарна «Окровенная Бельгия» [25, с. 5]. В определенной мере эти слова можно отнести к нему самому, верившему, как многие его коллеги в августе 1914, что в войне будет найдено «невозможное слияние мечты и силы, что война раскроет перед человечеством ослепительные перспективы» возрождения человечности и братских начал в воюющих, а в русской жизни «сметет все грязное, пошлое, реакционное» [1, с. 428, 429]. «Страшный год войны» не принес мира, а свободу – разве что от иллюзий [15, с. 320].

Брюсов теперь был занят переводами и подготовкой к печати собственных стихов, написанных на войне, вобравших и наблюдения, содержащиеся в газетных статьях. Эти стихи войдут в сборник «Семь цветов радуги», который в 1916 г. увидит свет в «Книгоиздательстве К.Ф. Некрасова» и будет весьма неоднозначно оценен в измененном войной обществе.

Источники

1. Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов. М., 2006.
2. Беседа с Н.А. Морозовым // Голос. 1915. № 126. 5 (18) июня.
3. Брюсов В. Варшава в дни войны // Голос. 1914. № 200. 31 авг. (13 сент.).
4. Брюсов В. Рассказ беженцев // Голос. 1914. № 202. 3(16) сент.
5. Брюсов В. На границе // Голос. № 215. 1914. 19 сент. (2 окт.)
6. Брюсов В. На северном фронте // Голос. 1914. № 217. 21 сент. (4 окт.)
7. Брюсов В. В русской Галиции // Голос. 1914. № 225. 1(14) окт.
8. Брюсов В. Грозные дни Варшавы // Голос. 1914. № 240. 18 (31) окт.
9. Брюсов В. Паломничество на поля битв // Голос. 1914. № 243. 2 окт. (4 нояб.).

10. Брюсов В. На левом берегу // Голос. 1914. № 268. 20 нояб. (3 дек.); № 270. 23 нояб. (6 дек.); № 271. 25 нояб. (8 дек.).
11. Брюсов В. Бои под Ловичем // Голос. 1914. № 274. 28 нояб. (11 дек.).
12. Брюсов В. Гурдов // Голос. 1915. № 60. 14(27) марта.
13. Брюсов В. На улицах Перемышля // Голос. 1915. № 75. 4(17) апр.
14. Брюсов В.Я. Соч.: в 2-х т. Т. 1: Стихи и поэмы. М., 1987.
15. Букчин С. Корреспондент Валерий Брюсов // Неман. 1987. № 6.
16. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 49. 18 л.
17. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 50. 25 л.
18. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 54. 2 л.
19. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 257. 15 л.
20. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 110. 32 л.
21. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова / Вступ. ст., публ. и ком. И.В. Вагановой // Лица: Библиографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 155–265.
22. Молодяков В.Э. «Высоких зрелищ зритель»: Валерий Брюсов и Большая Политика / В.Э. Молодяков. Загадки Серебряного века. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, [2009]. С. 50–106.
23. Некрасов К.Ф. Единая Россия // Голос. 1914. № 167. 22 июля (4 авг.).
24. О германском воинстве // Голос. 1914. № 260. 11(24) нояб.
25. Окровенная Бельгия // Рус. вед. 1915. № 154. 5 июля.
26. Ужасы войны // Голос. 1914. № 224. 30 сент. (13 окт.).
27. Чествование Брюсова // Голос. 1915. № 18. 22 янв. (4 февр.).
28. Ярославская жизнь [Объявление о сотрудничестве В. Брюсова с «Голосом»] // Голос. № 171. 1914. 26 июля (8 авг.).

¹ Константин Федорович Некрасов (1873–1940) – племянник Н.А. Некрасова (сын его младшего брата), бывший земский деятель; участвовал в I Государственной думе, примыкая к ее прогрессивному крылу.

² Николай Петрович Дружинин (1858–1941) – общественный деятель; как и К.Ф. Некрасов, член I Государственной думы от партии кадетов; сотрудник местных и столичных изданий, автор многих книг по крестьянскому вопросу.

³ Здесь и далее курсивом выделено то, что в авторском тексте подчеркнуто.

⁴ Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972) – библиограф, литературовед (автор фундаментальных трудов о жизни и творчестве А.Н. Некрасо-

ва и В.Я. Брюсова), в рассматриваемые годы секретарь «Книгоиздательства К.Ф. Некрасова» и активный сотрудник «Голоса».

⁵ Возможно, здесь есть переключка с самим Брюсовым, который, как известно, тоже находил смысловые опоры в стихах Ф. Тютчева [22, с. 77; 14, с. 319, 323].

⁶ Исследователями творчества Брюсова отмечен интерес публики к его статьям: «их читали и ценили», они «имели немалый общественный резонанс» [22, с. 84; 1, с. 429].

⁷ Воевал не только П.П. Муратов, но и Н.М. Щекотов, московский искусствовед, также активный сотрудник «Софии».

«Inter arma silent musae»?

Дискуссии в периодической печати о назначении искусства в годы Первой мировой войны

Первая мировая война оказала влияние на все стороны жизни российского общества, в том числе и на культуру, подчинив ее своим законам, существенно изменив форму и содержание. В военное время традиционно ведутся споры о месте и назначении искусства, правомерности его развития, все чаще вспоминается латинский афоризм «Inter arma silent musae» («Когда пушки стреляют, музы молчат»). Эти проблемы поднимались и в годы Первой мировой войны. Сами представители художественной интеллигенции начали дискуссию в прессе об этической стороне продолжения своей профессиональной деятельности. Мнения по этому вопросу разделились.

Часть деятелей литературы и искусства посчитали неэтичным и неправомерным заниматься художественным творчеством в период тяжелых военных испытаний. В литературной среде наиболее резко это мнение выражала З.Н. Гиппиус. В августе 1914 г. она обратилась к братьям по перу: «Поэты, не пишите слишком рано, / Победа еще в руке Господней, / Сегодня еще дымятся раны, / Слова еще не нужны сегодня. / В часы неоправданного страданья / И нерешенной битвы, – / Нужно целомудрие молчанья, / И, может быть, тихие молитвы» [Гиппиус, 1991, с. 131–132]. В июне 1915 г. в сборнике «Год войны (художник – солдату)» она жестко изобразила братьев по перу: «Хотелось нам тогда, чтоб помолчали / Поэты о войне, / И пережить хоть первые печали, / Могли мы в тишине. / Куда тебе! Набросились зверями / Война! Войне! Войны! / И крик, и клич, и хлопанье дверями, / Не стало тишины...» [Гиппиус, 1991, с. 142]. В письме З.И. Гржебину от 17 июня 1915 г. на предложение сотрудничать с журналом «Век» она ответила резким отказом, мо-